

УДК 364.075.2

DOI: 10.17223/19988613/51/7

Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КАМПАНИИ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-11-24002.

На основе материалов из государственного архива Красноярского края и региональной периодической печати рассматриваются общественные кампании как один из элементов советской социальной политики на территории Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. Отмечен регулярный и продолжительный характер проводимых социальных кампаний, их унифицированный сценарий, организаторская и координирующая роль государства. Часто проводимые кампании не давали желанного результата (материальные поступления были незначительными), но был накоплен опыт их проведения и сформировался актив вокруг подразделов социального обеспечения, поддерживавший все инициативы власти.

Ключевые слова: социальная политика; детские дома; инвалидные дома; общественные инициативы; губернский отдел социального обеспечения; общественные организации.

После прихода большевиков к власти социальная помощь и защита разных категорий населения были объявлены сферой государственной деятельности. Государство брало на себя заботу об обездоленных – инвалидах, стариках, сиротах, неимущих, одновременно была начата работа по созданию новой системы, объединяющей все сферы социальной политики и полностью исключавшей благотворительность. С этой целью 29 октября 1917 г. был образован Народный комиссариат государственного призрения. В апреле 1918 г. он был преобразован в Наркомат социального обеспечения [1. С. 21–23].

Основными видами социального обеспечения являлись врачебная помощь, пенсии, пособия, а формами – денежные выплаты и натуральная помощь в виде продуктов питания, одежды, обуви и т.п. Объем социального обеспечения, финансовый и управленческий механизмы его реализации регламентировало «Положение о социальном обеспечении трудящихся», принятое 31 октября 1918 г. Этим документом государство гарантировало бесплатную социальную помощь и услуги, но только тем гражданам, для которых источником существования являлся собственный труд. Еще до Гражданской войны был принят целый ряд декретов, направленных на создание системы государственного социального страхования трудящихся. Советское государство декларировало 8-часовой рабочий день, оплачиваемый отпуск, материальную компенсацию при потере трудоспособности, пенсии, декретный отпуск и так далее, чего не могло обеспечить трудящимся в то время ни одно самое демократическое государство в мире. В этом смысле Советская Россия стала первым в мире социальным государством, однако для обеспечения данных гарантий не хватало материальной базы, поэтому в первое время государственной поддержкой была охвачена лишь часть населения, а сама помощь

исчислялась в мизерных для отдельного человека суммах. Историк В.В. Тевлина отмечает, что ведомственная разобщенность и отсутствие единого законодательства привели к отказу от медико-социальной, социально-психологической, социально-педагогической и правовой помощи, которые получили развитие в социальной системе еще до октября 1917 г. [2. С. 402]. Из-за более позднего установления советской власти в Сибири, по сравнению с европейской частью России, реализация мер социального обеспечения началась в регионе с некоторым отставанием.

Становление советской системы социальной помощи происходило в годы разрухи, политического и экономического кризиса. В 1920 г. в губернии насчитывалось 12,5 тыс. безработных. Крестьянство, составлявшее 85% населения, выражало недовольство продразверсткой [3. С. 57]. В городах и селах скопились тысячи людей, оставшихся без крова, лишившихся кормильцев, потерявших имущество, инвалидов, беспризорников, беженцев. Широкое распространение в это время получили социальные болезни – туберкулез, сифилис. Поэтому в социальных учреждениях – детских домах, приютах для престарелых, больницах – царил крайне неприглядная картина: теснота и неустроенность помещений, плохое питание, крайний недостаток обуви, одежды, белья, медикаментов, топлива и пр.

Начальный период становления системы социальной помощи в Енисейской губернии был отмечен многочисленными трудностями: скудным финансированием, постоянными реорганизациями, происходившими из-за неопределенности функций между Наркоматом труда и Наркоматом социального обеспечения. Дефицит опытных кадров не позволял организовать должным образом контроль, учет, статистику. Например, из 4 990 случаев заболеваний, зафиксированных по губернии в 1920 г., на долю Красноярска пришлось 84,26%

(4 205 случаев) [4. С. 42]. Отсутствие в распоряжении собесов материальных ресурсов как необходимого фонда по обеспечению инвалидов и пенсионеров, жертв контрреволюции приводило к неполному охвату помощью нуждающихся. В 1920 г. помощь носила натуральный характер, исключительно предметами первой необходимости (продовольствие, дрова, мануфактура, спички). В отчете Енисейского губернского экономического совещания за 1921–1922 гг. указывалось на почти полное отсутствие активных и опытных технических работников, мизерное вознаграждение их труда, частую смену ответственных руководителей и, наконец, отсутствие материальных ресурсов в распоряжении собесов как необходимого фонда по обеспечению инвалидов и пенсионеров. Губсобес в 1920 г. руководил четырьмя приютами для взрослых и инвалидов (127 человек), двумя детским приютами (67 человек), лагерем инвалидов бывших военнопленных (1 999 человек), располагал двумя центральными складами (продуктовым и вещевым с раздаточными пунктами), пошивочной и сапожной мастерскими, прачечной, а также большим огородом в целях обеспечения овощами контингента социальных учреждений на зиму [5. С. 195–197].

Молодое советское государство из-за дефицита финансовых средств, отсутствия сложившейся системы государственных социальных учреждений в тяжелых условиях вынуждено было искать действенные методы реализации своей социальной политики. Одним из таких методов станет организация общественных социальных кампаний. Целью подобных кампаний были стимулирование общественных инициатив, привлечение дополнительных финансовых средств.

До середины 1920-х гг. государственные органы определяли главную цель акции, устанавливали сроки, планировали ее конечный результат. Реализацию намеченных планов проводили местные органы власти, они же привлекали общественные организации, рядовых граждан в специальные комиссии, на которые возлагалась ответственность за ход кампании.

Большинство проводимых в дни социальных кампаний мероприятий не были новаторской находкой большевиков. Механизм их проведения был заимствован из опыта работы благотворительных организаций и земств дореволюционного периода («кружечные сборы», подписные листы, отчисление процента от дохода развлекательных учреждений, проведение благотворительных концертов, спектаклей и т.п.).

Помимо сбора средств, проводимые акции выполняли другую функцию – агитационно-пропагандистскую. Все мероприятия сопровождалось лекциями, докладами, рассказывающими населению о сущности того или иного социального вопроса. Всегда подчеркивалась ведущая роль новой советской власти в решении социальных проблем. Характерная особенность проводимых в пореволюционные годы социальных кампаний заключалась в том, что они были регулярными, про-

должительными, хотя именовались «день», «неделя»; сценарии проведения кампаний были унифицированными, подготовленными в центре.

Анализируя ход социальных кампаний в губернии в 1920-е гг., можно констатировать, что по мере упрочения советской власти они становились более организованными, не такими продолжительными. Сказывался опыт, который обретали губернские и волостные руководители по их проведению, начались строгий учет собранных в ходе кампаний средств и их распределение по социальным учреждениям. С 1923 г. появились совершенно новые формы проведения социальных акций: проводились временные мобилизации в «ударные» отряды по санитарной очистке социальных учреждений, введение сверхурочных работ в фонд комиссий «неделя».

Сталкиваясь с неспособностью властей решить социальные проблемы, люди часто сами выступали организаторами благотворительных акций, т.е. социальные кампании превращались в повседневность, становились удобной формой выражения социальных чувств. Так, в октябре 1920 г. газета «Красноярский рабочий» писала, что в Усть-Ярульской волости Канского уезда крестьянин Тарарынин пожертвовал 28 пудов и 28 фунтов пшеницы и 26 пудов и 26 фунтов ржи на помощь сиротам. Так как в данной волости детского дома не было, волисполком передал данный хлеб в уезд [6].

К числу наиболее частых из проводимых государственных кампаний следует отнести те, которые были связаны с поддержкой материнства и детства. Положение детей, охрана материнства – важнейшие показатели состояния общества. В Енисейской губернии в рамках реализации этой программы был проведен ряд социальных кампаний: «Неделя ребенка» (1920 г.), «День помощи голодающему ребенку» (1921 г.), «Неделя помощи матери и ребенку» (1922, 1923 гг.). Эти кампании проходили, как правило, ежегодно, нередко их приурочивали к общегосударственным праздникам нового советского календаря.

Так «Неделя ребенка», проходившая в Красноярске 15 июля 1920 г., предусматривала организацию праздника для ребят в возрасте от 5 до 12 лет (просмотр спектаклей, инсценировки детских пьес, участие в гимнастическом празднике и т.п.). Для участников праздника был организован обед [7]. Государство таким образом демонстрировало внимание и заботу к подрастающему поколению, однако реальная забота выглядела более скромной и охватывала небольшую группу детей, находящихся в двух приютах, закрепленных за секцией охраны младенчества и материнства, и в Доме матери и ребенка [8. Д. 3. Л. 196].

Стимулирование общественных инициатив в советском обществе в пореволюционный период стало неотъемлемой частью государственной политики. Усилиями государства 1921 г. (в период голодомора в европейской части страны) в Красноярске был открыт детский дом для сирот на 200 человек, 26-я стрелковая

дивизия организовала два детских дома для 208 ребят [9. Д. 20. Л. 11].

На заседании чрезвычайной комиссии по улучшению жизни детей (г. Ново-Николаевск, 21 декабря 1921 г.) сообщалось, что «День помощи голодному ребенку» был назначен на 17 декабря, но ввиду невозможности подготовиться (не получены листовки и др.) «отложен до 25 дек[абря], а в Н[ово]-Николаевске до 5 января. Выполнена и выполняется агитационная работа (статьи, фельетоны в газетах, листовки), поднят вопрос об обязательстве коммунистов брать хотя бы одного ребенка на содержание в свою семью. Выработаны и утверждены соответствующие положения и инструкции по проведению дня и пр. На обращение комиссии помочь ребенку сибирские учреждения откликнулись. Совнархоз дал распоряжение, чтобы все производственные предприятия работали в этот день на детей, а также о выполнении всех нарядов, данных в «Неделю ребенка»: Сибуголь – каменноугольные копи работают на детей: выработка в этот день дает 350 000 п[удов] угля; Центросоюз – на 2 000 р[уб]. золотом разных продуктов и предметов; Упсансб – 450 п[удов] рису, сахар и мед; Сибздрав – 1 000 бут[ылок] вина для устройства лотереи, парфюмерные предметы и предметы диетического питания; Сибвнешторг – 10 п[удов] сахару, 10 п[удов] какао, 100 п[удов] варенья и пуд чаю; Сибнаробраз дал распоряжение об участии детей в платных спектаклях, а также отдает весь чистый сбор с театров, зрелищ и др. в этот день на детей; Сибпродком – 10 000 арш[ин] сукна. Професс[ио]-нальные организации отчисляют однодневный заработок своих членов [8. Д. 76. Л. 12].

При проведении «Дня голодающего ребенка» в 1921 г. губернские власти вменили всем государственным и частным организациям однодневные доход и зарплату перечислить в фонд комиссии помощи голодающим детям. Все частные столовые, кафе, чайные и буфеты, лавки были обложены определенным процентом, установленным Губкомиссией помощи голодающему ребенку; организовывался сбор вещей и продуктов. Из собранных 5 008 000 руб., наибольший доход (87,73%) принес аукцион американских вещей [10. Д. 242. Л. 1–1 об.]; все средства направлялись в фонд помощи голодающим детям. Только что созданная губернская комсомольская организация выступила с инициативой отчисления в фонд помощи голодающего ребенка 5% пайка штатными комсомольскими работниками или 3% заработной платы и 15% от поступлений в кассы взаимопомощи [3. С. 59]. Комсомольцы Даурского района поставили спектакль и установили плату за вход – миска пшеницы и две миски овса. Обойдя окрестные села со своим спектаклем, они собрали 37 пудов зерна и передали его в фонд голодающих [Там же. С. 60]. Губком, учитывая все значение «Дня помощи голодному ребенку», выделил самых авторитетных работников партии для выступления во всех местах зрелищ и собраний в этот день [Там же. С. 52].

В 1923 г. «Неделя по охране материнства и детства» была приурочена к Международному женскому дню и проводилась с 8 по 15 марта. Цель акции – материальная поддержка детских домов губернии, повышение инициативы масс в решении проблем охраны материнства и детства. Инициатива проведения данной недели принадлежала отделу здравоохранения, была создана комиссия для успешного ее проведения. Она включала представителей партийных, профсоюзных организаций, женотдела и подотдела охраны материнства губздравотдела. В ходе кампании были выпущены тематические стенгазеты, проведены санитарная уборка детских домов, сбор денежных средств путем «кружечного сбора» по квартирам, отчисление от спектаклей, организованных самодеятельными артистами. В ходе кампании комиссия вела учет поступающих средств и затем распределила их среди детских домов губернии [10. Д. 378. Л. 7–7 об.].

Решением социальных проблем детей-сирот со второй половины 1920-х гг. стали заниматься специализированные общественные организации, созданные под руководством государства, например «Друг детей». Это стало возможно благодаря тому, что за период кампаний проявились неравнодушные, инициативные люди, активно помогающие власти решать проблемы обездоленных ребят.

К числу часто проводимых государственных кампаний следует отнести те, которые были связаны с Красной армией, являвшейся опорой режима. В течение подобных «Дня раненого и больного красноармейца» (март 1920 г.), «Недели сбора вещей в помощь фронту» (ноябрь 1920 г.) приводились в порядок казармы, собирались подарки для воинов Красной армии, в госпиталях и военных городках Красноярска проводились спектакли, концерты-митинги [11]. Сбор вещей шел очень трудно. Как правило, вещи были очень поношены, и для передачи красноармейцам надлежало привести их в порядок, отреставрировать (из двух-трех вещей сделать одну).

Отношение населения к часто проводимым кампаниям было неоднозначным. Так, в Канском уезде Семеновской волости в период «Недели сбора вещей для фронта» был сорван сбор добровольных пожертвований, так как населению жертвовать было нечего [6].

В 1922 г. губернская комиссия помощи больным и раненым выпустила воззвание-обращение к жителям губернии о необходимости сбора пожертвований для домов инвалидов, семей увечных военнослужащих [12]. К социальным кампаниям приурочивались тематические лекции, выпускались листовки-агитки, брошюры, нередко устраивались спектакли, концерты, сборы от которых шли в пользу военнослужащих. Для привлечения средств организовывались «кружечные сборы» на улицах, предприятиях, государственных учреждениях, в селах организовывали субботники. Все полученные средства отправлялись в фонд кампаний.

В ноябре 1922 г. губернская Комиссия помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам и членам их семей обнародовала публичный отчет об эффективности государственной поддержки и социальных кампаний, регулярно проводившихся на территории региона. Комиссия отмечала улучшение материального снабжения красноармейцев, текущий ремонт, проведенный во всех казармах в военных городках, организацию шефства над военными городками. Однако в отчете отмечали, что сделано далеко не все: «...казармы хотя и отремонтированы, но многим не оборудованы, мало света, нет умывальников, плохо остеклены, недостаточно вентилируются.

Каждый красноармеец спит теперь на отдельной койке, но койка эта – деревянный топчан, ничем не покрытый. Матрацев, подушек, одеял, постельных принадлежностей нет, столиков для хранения хлеба и несложного красноармейского имущества тоже нет.

У многих нет своей, кружки, ложки, ножа, вилки и поэтому трудно приучить красноармейца к чистоплотности, привить ему более культурные навыки по сравнению с теми, какие он усвоил у себя дома, в деревне.

В казармах почти всюду существуют красные уголки, но снабжены так плохо, что едва ли можно признать их соответствующими назначению. В сущности, нынешний красный уголок ограничивается нескладным столом, на котором валяются две-три газеты и какой-нибудь журнал. Все перечисленное определяет объем работы шефов в неделю “уюта красноармейца” [13].

Не менее значимой и важной оставалась помощь инвалидам, для которых вид социального обеспечения определялся степенью (группой) нетрудоспособности (в начале 1920-х гг. в РСФСР было установлено шесть групп инвалидности). Правом устанавливать степень трудоспособности принадлежало губернским органам здравоохранения (местным здравоохранениям). В декабре 1920 г. в ходе реструктуризации в губернском отделе социального обеспечения был выделен подотдел инвалидов, целью которого были руководство четырьмя имеющимися приютами и организация новых приютов для инвалидов, открытие учебных мастерских для обучения их сапожному, портняжному делу, проведение надлежащего учета инвалидов в губернии [6]. По словам руководителей Енисейского губернского отдела социального обеспечения, около 70% инвалидов имели 2-ю группу нетрудоспособности и были в своей массе престарелыми [14. С. 170]. Размер их пенсий был низким. Так, инвалиды 1-й группы в Красноярске получали пенсию 6 руб., в уездах – 5 руб., инвалиды 2-й группы в городе получали 4 руб., в уезде – 3 руб. 44 коп. Инвалиды 3-й группы в городе получали 3 руб., в уезде – 2 руб. 58 коп. В уездах выплаты задерживались на три месяца из-за отсутствия средств [14. С. 39].

В целом в Енисейской губернии положение инвалидов во многом оставляло желать лучшего. Губсособес не располагал точными сведениями об их количестве. Предполагалось, что в одном Красноярске пенсионеров

насчитывается до 1 000 человек, по всей же губернии – более 10 000. Из этой массы в инвалидных домах содержались 615 человек, в том числе в Красноярске – 121 человек. Значительное число инвалидов находилось на содержании родственников и от государства получало лишь пенсию. Из-за очень ограниченных средств, которые государство отпускало на содержание инвалидных домов, контингент этих учреждений испытывал острую нужду в обмундировании, терпел недостаток питания. В красноярском доме инвалидов были случаи заболевания на почве недоедания. «Ясно, – писала газета Красноярский рабочий 24 февраля 1922 г., – что нужно немедленно и организованно прийти на помощь государству в деле обеспечения и устройства жизни тех, кто пострадал за наше общее благополучие и лишился способности зарабатывать себе хлеб без поддержки со стороны. Кооперативы должны выделить для инвалидных домов известное количество товаров. Профсоюзы – наладить в домах инвалидов культурно-просветительную работу. Далее следует организовать при инвалидных домах ряд мастерских, в которых разумно мог бы быть использован посильный труд увечных и калек» [15].

В течение 1922 г. были проведены четыре «Недели помощи инвалидам». 23 февраля 1922 г. вслед за «Неделей помощи Красной Армии» в губернии организуется «Неделя помощи инвалидам». Однако, как констатировал губернский отдел социального обеспечения, она фактически свелась к организации гуляний в городском саду и небольшой лотереи. В августе 1922 г. вновь была проведена «Неделя помощи инвалидам», удалось собрать 120 млн руб. В ноябре 1922 г. в рамках очередной «Недели помощи инвалидам» организационный комитет кампании спланировал формат участия разных организаций в проводимой кампании. Губернскому отделу народного образования и политотделу 26-й дивизии, дислоцированной в Красноярске, поручались однодневные сборы от спектаклей перечислить в фонд инвалидных домов; губисполкому надлежало продать неликвид со склада губернского отдела социального обеспечения, губернскому союзу кооперации, обществу «Самодетельность» и губернской продовольственной комиссии – обеспечить минимальным количеством материала и продовольствия инвалидные дома [10. Д. 378. Л. 76]. В 1923 г. очередная «Неделя помощи инвалидам» дала слабые результаты, собранные по губернии небольшие средства использовались на выдачу проездного пособия инвалидам [14. С. 43].

Эффективность проводимых кампаний была невысока, так как материальное положение населения губернии было бедственным после Гражданской войны, авторитет новой власти – еще незначительным. В условиях неурожая 1921 г. крестьяне не испытывали доверия к начавшимся нововведениям, поэтому расставание даже с частью продовольственных запасов воспринималось как бедствие, угрожавшее выживанию собственных семей. Поэтому основными участниками

социальных кампаний были комсомольцы, активисты профсоюзных и прочих организаций. По мере укрепления советской власти необходимость в проведении таких общественных акций уменьшалась.

К середине 1920-х гг. в губернии в основном завершилось формирование патерналистской модели социальной политики, основополагающей идеей которой

был принцип «социального воспитания», т.е. приоритет общественного над частным. В ходе кампаний сформировался актив инициативных людей, которые составили основу общественно-государственных социальных организаций. Так, в губернии формируются общественные организации «Друг детей», «Комитеты помощи инвалидам» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебина Н.Б., Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 21–67.
2. Тевлина В.В. Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.) // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / ред. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 397–414.
3. Славное сорокалетие: из истории Красноярской партийной организации (1917–1957 гг.) / гл. ред. В.П. Сафронов. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1957. 446 с.
4. Катцина Т.А., Крылов И.И., Пашина Н.В., Мезит Л.Э. Становление советского здравоохранения в Российской провинции в 1920-е гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 25 (1). С. 41–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/0869-866X-2017-25-1-41-45>
5. Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 г. Красноярск: Государственная типография, 1920. 227 с.
6. Красноярский рабочий. 1920. 10 дек.
7. Красноярский рабочий. 1920. 24 июля.
8. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-93: Енисейский губернский отдел народного образования Енисейского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
9. ГАКК Ф. П-8: Енисейский губернский комитет РЛКСМ.
10. ГАКК. Ф. П-1: Енисейский губернский комитет РКП(б).
11. Красноярский рабочий. 1920. 14 марта.
12. Красноярский рабочий. 1922. 10 мая.
13. Красноярский рабочий. 1922. 26 нояб.
14. Ковалев А.С. Социальное обеспечение пожилых инвалидов в 1920-х годах (по материалам Красноярского края) // Современная наука. 2010. № 3 (3). С. 167–172.
15. Отчет Второго сибирского областного совещания губернских работников учреждений и организаций социального обеспечения: (государственного обеспечения, крестьянской взаимопомощи, инвалидной кооперации и помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам войны и семьям красноармейцев). Новониколаевск: Конкуренция, 1924. 175 с.

Kattsina Tatyana A. Siberian Federal University (Russia Krasnoyarsk.). E-mail: tkatsina@sfu-kras.ru

Mezit Lyudmila E. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev (Russia, Krasnoyarsk) E-mail: mezit@yandex.ru

PUBLIC CAMPAIGNS AS A MEASURE OF SOCIAL PROBLEMS SOLUTION DURING THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD IN YENISSEYSKAYA PROVINCE

Keywords: social policy; orphan asylums; residential care home; public initiatives; provincial welfare rights unit; public organizations.

The article analyzes the stages of social campaigns organization and holding in the further-flung Siberia that aimed at giving material support to the people in hardships and at gathering the population around the new government. The period under study (the first half of the 1920s) bears a special interest thanks to the newly-formed Soviet welfare system character which was determined by political, economic and ideological factors. Studies of Soviet social policy during the complicated post-Revolutionary period allow better understanding of contradictory Soviet reality. Documents from the State Archive of Krasnoyarsk Region and published resources let us reveal the fact that numerous issue-related social campaigns represented a specific way of collaboration between the state and the public institutions; social support measures carried out through organization and holding thematic events touched upon a wide range of problems (maternal and child welfare, children famine relief, disabled and Red Army soldiers welfare). These measures coincided with the declared social policy basic directions. They were conducted in a resource-constrained environment (financial as well as human) in the sphere of social care and service. Although held in Yenisseyskaya Province quite often, the campaigns did not achieve desired result, and financial takings were insignificant. However, they managed to gain the experience of the campaigns conduct and to form a core group among the social care sub-units that supported all the governmental initiatives. Working by campaigns as a way of acute problems solution carried out educational function as well by showing the progressiveness of the taken measures and the humanism of the Soviet State to the citizens. Social campaigns conducted during the period in question played a significant part in the development of welfare system to the population in hardships in Yenisseyskaya Province. The formation of state welfare institutions and mass public organizations finished by the mid-1920s. They organized the registration of the population in need for state support and established the paternalistic assistance measures. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project № 16-11-24002 Revolutionary Russia: Alteration of models and practices of social care in the first quarter of the 20th century (on the basis of materials for East Siberia).

REFERENCES

1. Leбина, N.B., Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2007) Zabota i kontrol': sotsial'naya politika v sovetskoy deystvitel'nosti, 1917–1930-e gody [Care and control: social policy in Soviet reality, 1917–1930s]. In: Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (eds) *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh gg.: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet social policy of the 1920–1930s: Ideology and everyday life]. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 21–67.

2. Tevlina, V.V. (2008) Sistema sotsial'noy pomoshchi naseleniyu v period formirovaniya sovetskogo gosudarstva (1918–1930-e gg.) [The system of social assistance to the population during the formation of the Soviet state (the 1918–1930s)]. In: Bulgakova, L.A. (ed.) *Blagovoritelnost' v istorii Rossii. Novye dokumenty i issledovaniya* [Charity in the history of Russia. New documents and studies]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 397–414.
3. Safronov, V.P. (ed.) (1957) *Slavnoe sorokaletie: iz istorii Krasnoyarskoy partiynoy organizatsii (1917–1957gg.)* [The Glorious Forty: From the history of the Krasnoyarsk party organisation (1917–1957)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Kattsina, T.A., Krylov, I.L., Pashina, N.V. & Mezit, L.E. (2017) The becoming of the Soviet health care in Russian province in 1920s. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny – Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 25(1). pp. 41–45. (In Russian). DOI:10.1016/0869-866Kh-2017-25-1-41-45
5. Yenisei Provincial Revolutionary Committee. (1920) *Polgodu Sovetskoy vlasti v Eniseyskoy gubernii. Obzor deyatelnosti sovetskikh uchrezhdeniy s yanvarya po 1 avgusta 1920 g.* [Six months of Soviet power in the Yenisei province. Review of the activities of Soviet institutions from January to August 1, 1920]. Krasnoyarsk: Gosudarstvennaya tipografiya.
6. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920a) 10th December.
7. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920b) 24th July.
8. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Fund R-93: Eniseyskiy gubernskiy otdel narodnogo obrazovaniya Eniseyskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov* [Yenisei Provincial Department of Public Education of the Yenisei Provincial Executive Committee of the Council of Workers', Peasants' and Red Army Deputies].
9. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Fund P-8: Eniseyskiy gubernskiy komitet RLKSM* [Yenisei Provincial Committee of the RLKSM].
10. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Fund P-1: Eniseyskiy gubernskiy komitet RKP(b)* [Yenisei Provincial Committee of the RCP (B)].
11. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920c). 14th March.
12. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1922a) 10th May.
13. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1922b) 26th November.
14. Kovalev, A.S. (2010) Sotsial'noe obespechenie pozhilykh invalidov v 1920-kh godakh (po materialam Krasnoyarskogo kraya) [Social provision of elderly disabled in the 1920s (based on materials from the Krasnoyarsk Territory)]. *Sovremennaya nauka – Modern science: actual problems of theory and practice*. 3(3). pp. 167–172.
15. Soviet Union. (1924) *Otchet Vtorogo sibirskogo oblastnogo soveshchaniya gubernskikh rabotnikov uchrezhdeniy i organizatsiy sotsial'nogo obespecheniya: (gosudarstvennogo obespecheniya, krest'yanskoy vzaimopomoshchi, invalidnoy kooperatsii i pomoshchi bol'nym i ranenym krasnoarmeysam, invalidam voyny i sem'yam krasnoarmeytsev)* [Report of the Second Siberian Regional Meeting of Provincial Workers of Social Security Institutions and Organisations: (state provision, peasant mutual assistance, invalid cooperation and assistance to sick and wounded Red Army soldiers, war invalids and Red Army families)]. Novonikolaevsk: Konkurentsya.